

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Павлова О. А. Писательский проект Пролеткульта 1918—1921 годов как креативная утопия / О. А. Павлова, К. М. Мартirosyan, Л. Н. Кондратьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 349—369. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-349-369.

Pavlova, O. A., Martirosyan, K. M., Kondratieva, L. N. (2025). Proletkult's Writer Project of 1918-1921 as a Creative Utopia. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 349-369. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-349-369. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

Q1

DOAJ

ERIH PLUS

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Писательский
проект Пролеткульта
1918—1921 годов
как креативная утопия****Павлова Ольга Александровна**

orcid.org/0009-0008-4154-0296

доктор филологических наук, доцент,
редактор журнала «Культурная
жизнь Юга России», кафедра
социально-культурной деятельности,
корреспондирующий автор
lexfati72@mail.ru

Мартиросян Карен Минасович

orcid.org/0009-0009-3929-1099

доктор философских наук,
кандидат исторических наук, доцент,
декан факультета гуманитарного
образования, кафедра социально-
культурной деятельности
karen_mm@rambler.ru

Кондратьева Людмила Николаевна

orcid.org/0009-0000-0426-4853

кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой
социально-культурной деятельности
milacon72@mail.ru

Краснодарский государственный
институт культуры
(Краснодар, Россия)

**Proletkult's Writer
Project of 1918-1921
as a Creative Utopia****Olga A. Pavlova**

orcid.org/0009-0008-4154-0296

Doctor of Philology, Associate Professor,
editor of the journal "Cultural Life
of the South Russia", Department
of Social and Cultural Activities,
corresponding author
lexfati72@mail.ru

Karen M. Martirosyan

orcid.org/0009-0009-3929-1099

Doctor of Philosophy, PhD in History,
Associate Professor, Dean of the Faculty
of Humanities, Department
of Socio-Cultural Activities
karen_mm@rambler.ru

Lyudmila N. Kondratieva

orcid.org/0009-0000-0426-4853

PhD in Cultural, Associate Professor,
Head of the Department
Socio-Cultural Activities
milacon72@mail.ru

Krasnodar State Institute of Culture
(Krasnodar, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование деятельности Пролетарских культурно-просветительских организаций (Пролеткульта) как креативной утопии. Рассматриваются вопросы гомогенности утопического, мифологического и эстетического мышления. Источниками выступили периодические издания Пролеткульта. Впервые вводятся в научный оборот данные, позволяющие интерпретировать проекты Пролеткульта как прообраз современных исканий в области креативных индустрий. Уделено внимание тому, что творчество пролеткультовцев продолжило искания «русского Ренессанса» как модернистской утопии, реконструировавшей романтический тип творчества, в контексте которого литература представляла в ипостаси неорелигии. Авторы утверждают, что это отношение к литературе является отражением русского культурного кода. Поднимается вопрос о таких качествах русского культурного кода, как особый статус литературы, предстающей ареной правдоискательства, и отношение к слову как к демиургическому логосу. Доказано, что пролеткультовцы своим мифотворчеством не только пропагандировали пролетарскую культуру, но и создавали неорелигию, основанную на культе пролетариата как коллективного мессии. Новизна исследования видится в том, что в работе предложен ретроспективный подход к креативности через анализ деятельности Пролеткульта, давшей мощный импульс развитию творческой самодеятельности народных масс в первые годы существования советской Республики.

Ключевые слова:

русский Ренессанс; креативность; пролетарская культура; Пролеткульт; мифотворчество; творческая самодеятельность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the activities of Proletarian Cultural-Educational Organizations (Proletkult) as a creative utopia. It explores issues related to the homogeneity of utopian, mythological, and aesthetic thinking. The sources include periodicals published by Proletkult. For the first time, data is introduced into scholarly circulation that allows interpreting Proletkult projects as precursors to contemporary inquiries in the field of creative industries. Attention is given to how the creativity of proletkult members continued the search for a “Russian Renaissance” as a modernist utopia reconstructing the romantic type of creation, within which literature appeared as a form of neo-religion. The authors argue that this attitude towards literature reflects the Russian cultural code. The study raises questions about such qualities of the Russian cultural code as the special status of literature as an arena for truth-seeking and the perception of language as demiurgic logos. It is demonstrated that through their myth-making, proletkult members not only propagated proletarian culture but also created a neoreligion based on the cult of the proletariat as a collective messiah. The novelty of the research lies in its retrospective approach to creativity through analysis of Proletkult’s activities, which provided a powerful impetus for the development of mass amateur creativity among the people during the early years of Soviet Republic.

Key words:

Russian Renaissance; Creativity; Proletarian Culture; Proletkult; Mythmaking; Amateur Artistic Activity

УДК 821.161.1“1918/1921”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-349-369

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Писательский проект Пролеткульта 1918—1921 годов как креативная утопия

© Павлова О. А., Мартиросян К. М., Кондратьева Л. Н., 2025

1. Введение = Introduction

В современном мире, неотъемлемыми атрибутами которого выступают новые информационные технологии, цифровизация культуры и развитие искусственного интеллекта, являющиеся элементами информационного общества, понятие «креативность» активно используется при характеристике не только человека, но и социокультурных институтов. Рассуждают о «креативном человеке» (Дж. Гилфорд), «креативном классе» (Р. Флорида), «креативных кластерах» (С. Эванс), «креативном городе» (Ч. Лэндри), «креативных индустриях» (К. Смит) и «креативной экономике» (Д. Хоукинс), которая с 2020-х годов рассматривается как модель устойчивого развития современного мира. Во многих странах, в том числе и в России, приняты законы о развитии креативных индустрий как «базового сектора креативной экономики» [О развитии..., 2024, с. 1], отражающие не только процессы коммодификации культуры [Морозов и др., 2023, с. 33], но и значение феномена креативности для современного общества.

Понимаемая как способность человека создавать оригинальные идеи и находить уникальные методы решения проблем, креативность вышла за пределы эстетической сферы искусства и стала носить сугубо прагматический характер. Трактовка креативности как технологии развития личности и инструмента управления ее творческим потенциалом формируется сначала в США в 1950—1960-е годы. Во многом такое отношение американцев к креативности было обусловлено противостоянием США и СССР в ситуации «холодной войны», одним из проявлений которого стал «спутниковый шок», возникший у американцев в космической гонке с СССР после их неудачных попыток запустить спутник, что сформировало опасения американцев относительно их «недостаточной креативности» [Guilford, 1950, с. 445]. Именно тогда в американском обществе «появляется огромное количество институтов и фондов, нацеленных на стимулирование раз-

вития креативности», государство начинает финансировать «креативное образование и исследования в этой сфере», заимствуя «существенный капитал из сферы национальной безопасности», а для американских обывателей креативность «превращается в продукт потребления, упакованный во множество полезных карманных руководств и специальных тренингов» [Мацкевич-Духан, 2021, с. 21—22].

В другие страны мирового сообщества (и в Россию в том числе) прагматическое понимание креативности приходит значительно позже, на рубеже ХХ—XXI веков, в связи со становлением креативных индустрий и развитием информационного общества, в котором креативность, наряду со знанием и интеллектуальным трудом, является основополагающим ресурсом развития. В контексте прагматического понимания креативность трактуется через перечень упражнений, выполнение которых способствует ее развитию и, следовательно, творческой самореализации личности. Такое понимание креативности представлено в работе «Креативная утопия», автор которой, американец Т. С. Уильямс, предлагает «12 способов / техник реализовать полную креативность» [Williams, 2002, с. 8—191].

Однако задолго до всех современных «страстей» по креативности в послереволюционной России, в условиях военного коммунизма и гражданской войны, был беспрецедентный опыт широкомасштабного вовлечения народных масс в художественную деятельность для их творческой самореализации. Речь идет о Пролетарских культурно-просветительских организациях, более известных под названием «Пролеткульт». Представляя собой массовую литературно-художественную организацию пролетарской творческой самодеятельности, Пролеткульт, формально существовавший с 1917 по 1932-е годы на безграничных просторах советской республики, имел разветвленную структуру, которая «напоминала парторганизацию из более 400 тысяч человек», издавал «15 журналов и до 10 млн экземпляров книг» [Хомякова, 2018, с. 118], стоял у истоков советского кино. Благодаря «пролеткультовскому» движению советское искусство получило режиссеров С. М. Эйзенштейна, Г. В. Александрова, И. А. Пырьева, писателей А. Платонова, А. Н. Арбузова, А. Н. Афиногенова, поэтов А. К. Гастева, В. Т. Кириллова, Н. Г. Полетаева, художников С. И. Агеева, А. А. Белякова, В. М. Калошина и др.

В связи с вышесказанным актуальность данного исследования определяется ретроспективным подходом к феномену креативности через анализ просветительской деятельности Пролеткульта, не только нацеленной на создание новой пролетарской культуры и формирование нового человека, но и давшей мощный импульс развитию творческой самодеятельности народных масс в первые годы существования советской Республики. Науч-

ная новизна исследования обусловлена тем, что в подобном ракурсе предвосхитивший современное прагматическое отношение к креативности опыт ремесленно-технического отношения к творчеству, представленный в деятельности Пролеткульта, ранее не рассматривался.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к Пролеткульту среди отечественных ученых носил волнообразный характер, так как был обусловлен переломными событиями российской истории, накладывавшими свой отпечаток на осмысление грандиозных проектов Пролеткульта, — такими как развенчание культа личности И. В. Сталина, распад СССР и построение многополярного мира. Через призму этих событий высвечивалась значимость Пролеткульта как масштабного беспрецедентного проекта создания пролетарской культуры силами народных масс, как альтернативного варианта развития советского искусства.

В период «оттепели», в 1950—1960-е годы, в работах советских философов, историков и литературоведов доминирует в целом негативная оценка деятельности Пролеткульта как «организации с чуждыми марксизму взглядами» [Николаева, 1997, с. 6—7], что нашло отражение в работах Г. Д. Алексеевой, В. В. Горбунова, В. И. Иванова, А. Д. Маныкина, Ф. Я. Матыцина, И. С. Смирнова [Алексеева и др., 1986, с. 169—171], Ю. Н. Суровцева [Суровцев, 1975, с. 256—263] и др. Отрицательная оценка идеологической позиции Пролеткульта, восходящая к ленинской критике его деятельности, сохранилась также в книге Л. А. Пинегиной «Советский рабочий класс и художественная культура», написанной на закате СССР и представлявшей собой первый опыт монографического исследования творческого наследия «пролеткультовцев» с привлечением обширного фактического материала.

В 1990—2000-е годы были написаны работы, содержащие не тенденциозный, а объективный анализ деятельности Пролеткульта: опубликованы архивные документы и труды его теоретиков, воссоздана его история, охарактеризовано влияние его идеологии и творчества на формирование советской культуры. При этом в публикациях тех лет, как отечественных, так и зарубежных ученых, превалировал политico-идеологический ракурс исследования Пролеткульта [Максименко, 1996; Николаева, 1997; Калистратов, 1998; Юдин, 2001; Иванцов, 2006; О'Коннор, 1992; Read, 1990; Mally, 1990; Fitzpatrick, 1992]. Работы, посвященные творчеству «пролеткультовцев», были немногочисленны. В связи с интересующей нас проблематикой словесного творчества «пролеткультовцев» следует выделить труды М. А. Левченко, интерпретировавшую поэзию Пролеткульта как воплощение «конца модернизма и начала эпохи советской литературы»

[Левченко, 2001, с. 3], и А. В. Карпова, охарактеризовавшего «пролеткультовскую» «литературную эстетику в контексте русской революционной культуры» [Карпов, 2003, с. 101—104].

В 2010—2020-е годы идеологический ракурс осмысления Пролеткульта уступает место анализу его кружковой деятельности как методу организации массово-групповой работы с населением, в том числе в региональном аспекте [Костякова и др., 2018; Московская, 2024; Хрусталёва, 2024], исследованию технологий создания пролетарской культуры посредством оптимизации творческой самодеятельности народных масс, включая международный уровень этой работы [Заславская, 2017; Колычев и др., 2018; Юдин, 2020], и атрибуции художественной практики «пролеткультовцев» [Дегтярёв, 2021; Московская и др., 2021; Суворова, 2021; Рябов, 2024]. При этом атрибутивные оценки весьма противоречивы — от правомерного признания того, что «опыт работы пролеткультов с простым населением может быть востребован и сейчас» [Юдин, 2020, с. 89], до софистического сопоставления деятельности Пролеткульта с реалиями современной российской культуры, в которой «свобода самовыражения … приобрела шокирующий коммерческий тоталитаризм» [Дегтярёв, 2021, с. 19]. Последнее утверждение, автор которого проводит формальную аналогию между современным культом креативности и творческой самодеятельностью народных масс, осознающих себя творцами пролетарской культуры, свидетельствует не только о спекулятивной модернизации деятельности Пролеткульта, но и об актуальности темы данной работы.

В связи с вышесказанным цель нашей статьи — анализ писательского проекта Пролеткульта, явившегося, наряду с другими видами искусства, структурообразующим началом его деятельности по созданию пролетарской культуры, давшей мощный импульс развитию творческого потенциала народных масс в первые годы существования советского государства как прообраза современного понимания креативности. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи: разъяснить смысловое наполнение термина «креативная утопия»; показать, что на рубеже XIX—XX веков формируется современное понимание креативности, обусловившее специфику модернистских утопий и западного декаданса, и русского Серебряного века; рассмотреть деятельность Пролеткульта в контексте панутопизма современной ему эпохи, одним из проявлений которого стало «богостроительство»; обозначить этапы развития Пролеткульта; охарактеризовать креативный логоцентризм как творческий метод Пролеткульта.

Методология исследования базируются на комплексном подходе, объединяющем культурно-исторический, компаративистский и структурно-семиотический методы исследования.

Материалом исследования являются периодические издания и художественные сборники Пролеткульта.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пролеткульт в контексте «русского Ренессанса»: креативность как инструмент утопии

Выражение «креативная утопия» [Williams, 2002, с. 8—191], генезис которого мы соотнесли с книгой Т. С. Уильямса для иллюстрации современного прагматического отношения к креативности как к технике приумножения творческого потенциала личности, которой может овладеть любой человек, сосредоточивает в себе амбивалентную семантику. Эта амбивалентность заложена в понятии «утопия», придуманном Т. Мором и представляющем собой игру двух вариантов транслитерации составного греческого слова: «место, которого нет» (*οὐ + τόπος*) / «благое место» (*εὖ + τόπος*). Но в то же время эта амбивалентность обусловлена корреляцией утопии и мифа, прослеживаемой как на уровне архетипической основы утопии, представленной «мифом об извечном творении космоса из хаоса» [Павлова, 2004, с. 107], так и через гомогенность утопического, художественного и мифологического мышления, состоящую в том, что «это типы ценностного сознания, организующиеся креативной мощью слова и создающие целостную, синтетическую модель мира, которая к тому же антропоцентрична и образна» [Павлова, 2004, с. 77]. В свете сказанного термин «креативная утопия» применительно к анализу деятельности «Пролеткульта» сосредоточивает в себе неотделимость положительных и негативных коннотаций в оценке утопического дискурса о безграничном творческом / креативном потенциале, которым может овладеть / развить в себе любой, даже в前所未有的 к искусству, человек.

Вместе с тем деятельность культурно-просветительских организаций рабочих, с августа 1920 года, — когда на II Всемирном конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве и Петербурге, было создано Международное бюро Пролеткульта во главе с А. В. Луначарским, — вышедшая на международный уровень всемирного распространения принципов пролетарской культуры, была закономерным продолжением панутопизма рубежа XIX—XX веков, обусловленного в числе прочего оформлением актуального для XXI века понимания креативности. И начальный этап формирования современной трактовки креативности как инструмента конструирования социальных смыслов, как и рождение литературной утопии, приходится на эпоху английского Ренессанса.

В связи с этим подчеркнем, что английские слова *creativity* (творчество) и *creative* (творческий) имеют истоки в «священной» латыни, в кото-

рой понятия *срео* (творение), *creatio* (создание), *creator* (творец) характеризовали Бога. Десакрализация семантики этих понятий, согласно «Словарю Мерриам Вебстера», начинается в позднем Средневековье, длится весь Ренессанс и завершается в эпоху декаданса: впервые глагол *to create* (создать), употреблявшийся до этого только в описании Бога, применительно к человеку был использован в XIV веке, первое употребление прилагательного *creative* (креативный) как характеристики личности зафиксировано в письменном источнике 1678 года, а абстрактное понятие *creativity* (креативность), завершающее процесс «очеловечивания» функций Бога, закреплено в письменном источнике 1875 года [MWD]. Следовательно, «при характеристике исторических “корней” феномена креативности в его современном понимании — как базовой ценности человеческой жизнедеятельности — необходимо учитывать, что его становление в истории проходило в два этапа, что соответствует двум эпохам в истории западного общества — Ренессансу и декадансу» [Павлова, 2024, с. 37].

В эпоху Ренессанса, в контексте идеологии гуманизма, порожденной кризисом христианства и реконструкцией античных ценностей, формируется антропоцентристическая модель мира, основанная на культе *homo faber*, то есть активной предпримчивой личности, нашедшем воплощение в пуританстве и утилитаризме, подтверждением чего служат английская «прописка» генезиса жанра литературной утопии, обначенного в форму романа-путешествия, популярного в эпоху великих географических открытий, что отразило растущие колонизаторские амбиции англичан.

В период декаданса, когда в английской языковой картине сложилось абстрактное понятие «креативность», в западном мире случился второй кризис христианства, на этот раз затронувший и Россию. На рубеже XIX—XX веков, в контексте формирующейся неклассической модели мироздания, основанной на принципах субъективности и относительности, возникает *homo creator* — человек-творец, самоутверждающийся не только через создание художественных миров, альтернативных реальности, что провоцирует кризис миметических искусств и полистилистику модернизма, но и через пересоворение «наличного» бытия путем воплощения в реальность своих утопических социокультурных проектов.

Однако, несмотря на «прописку» абстрактного понятия «креативность» в языковой картине англичан уже в 1870-е годы, его вхождение в науку произойдет только в 1920-е годы в трудах Д. Симпсона и А. Уайтхеда, а в 1950-е годы, в контексте американского pragmatизма, креативность из сугубо научного явления трансформируется в перечень техник по оптимизации творческого потенциала личности. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что на рубеже XIX—XX веков, с оформлением абстрактного

понятия «креативность» в лексиконе западного человека и окончательным закреплением прерогативы творца за человеком, утопия выходит за границы эстетической деятельности, и наступает эпоха грандиозных утопических проектов по переустройству мира, одним из которых стал СССР — идеократическое государство, основанное на идеологии марксизма, имевшей западные источники.

Специфику панутопизма российской культуры рубежа XIX—XX веков отразили выражения «славянское Возрождение», «русский Ренессанс», наличествовавшие в произведениях Вяч. Иванова (эссе «О веселом ремесле и умном веселии»), Ф. Ф. Зелинского (цикл лекций «Древний мир и мы»), А. К. Топоркова («Идея славянского Возрождения») и др. В ситуации затянувшегося мирового кризиса, приведшего Российскую Империю через три революции и мировую войну к крушению, концепт «русский Ренессанс» становится мифологемой российской культуры 1900—1920-х годов, обусловившей «взаимопроникновение социальной, мистической и социальной утопий» [Павлова, 2005, с. 11], реализовавшихся в утопии радикальной интеллигенции, героизировавшей образ революционера («Подпольная Россия» С. Степняка-Кравчинского, «Государственные преступники» Р. Скифа, «Нигилистка» С. Ковалевской и др.), в мистической утопии теурга Вяч. Иванова, в театральных утопиях Н. Н. Евреинова, В. Э. Мейерхольда, А. В. Луначарского, технократической утопии А. Гастева и др. [Павлова, 2005, с. 18—245]. Однако существенной характеристикой утопий тех лет было то, что они являли собой «модернистскую эстетическую утопию» [Павлова, 2005, с. 42], основанную на реконструкции романтического типа творчества с его безусловной верой в преобразующую мир силу искусства.

Знаковым проявлением «русского Ренессанса» стал кризис христианства, который проявился среди интеллигенции «элитарного» Серебряного века как богоискательство (Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанов, Д. В. Философов и др.), а среди части марксистов — как богостроительство (А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров и др.). Если богоискательство — это философское течение, связанное с поисками нового религиозного сознания и представляющее собой рационализацию сакральных смыслов и ценностей, то богостроительство — это прежде всего опыт создания неорелигии на основе мифологем утопии радикальной интеллигенции, спекулятивно использующих десакрализованные христианские ценности, — такие как героико-жертвенное служение революционеров народу, пролетариат как коллективный мессия, коммунизм как ориентир развития человечества, вера в научно-технический прогресс.

В связи с этим аббревиатура «Пролеткульт» расшифровывается не столько как «пролетарские культурно-просветительские организации», сколько как «культ пролетариата», а литература превращается в инструмент создания неорелигии. Богостроителем был А. А. Богданов, ведущий теоретик Пролеткульта, еще в 1909 году создавший группу «Вперед» для пропаганды идеологии марксизма среди рабочих, для «выработки и распространения в массах “новой пролетарской культуры”» с целью «достижения идеологической революции в самом пролетариате» [Юдин, 2020, с. 88, 93]. Итак, движение Пролеткульта с точки зрения идеологии было отражением идей богостроительства, а с точки зрения организации взаимодействия с народными массами и творчества — продолжением модернисткой эстетической утопии, основанной на вере в демиургическую силу искусства, в системе видов которого словесному творчеству отводилась роль инструмента создания неорелигии.

3.2. Метаморфозы пропаганды пролетаркой культуры: от нелегальных кружков к массовому мифотворчеству

В 1890-е годы в России возникают рабочие кружки, в которых пролетарии под руководством революционеров занимались изучением основ марксизма, политэкономии, истории культуры, а также занимались агитацией, распространяли нелегальную литературу, координировали стачки и проч. В работе тульского кружка в 1897 году участвовал будущий лидер Пролеткульта А. А. Богданов.

Выступая на I Всероссийской конференции Пролеткульта (сентябрь 1918 года, Москва), М. Н. Покровский, заместитель наркома Просвещения, связал его зарождение с деятельностью рабочих кружков. «Вы зародились, — сказал он, — из тех ячеек, которые давным-давно в подполье еще складывались и боролись за пролетарскую культуру» [Протоколы ВКПКПО, 1918, с. 7].

Говоря о «подпольных» истоках Пролеткульта, нужно отметить группу «Вперед», созданную в декабре 1909 года по инициативе А. А. Богданова и Г. А. Алексинского в Женеве, объединившую сторонников «богостроителей», «отзовистов» и «ультиматистов», просуществовавшую до 1913 года. Одним из значимых проектов этой группы стала «Каприйская школа», реализовавшая с августа по декабрь 1909 года программу подготовки рабочих-эмигрантов к революционной деятельности. Однако в данном случае речь шла не о формировании кадрового резерва РСДРП силами рабочей интеллигенции, а о «радикальной антропологической трансформации»: А. А. Богданов, А. А. Луначарский, М. Горький и другие лекторы «Каприйской школы» «хотели сформировать новую культуру и нового человека

путем приобщения к культуре прошлого и ее переработки в пролетарском ключе» [Чони и др., 2019, с. 1—2].

Очевидно, что деятельность рабочих кружков и группы «Вперед», имевшая просветительскую направленность, была нацелена на подготовку культурной революции путем формирования нового пролетарского мировосприятия, в том числе и посредством словесного творчества. И здесь уместно говорить о двух этапах в истории Пролеткульта — теоретическом, начавшемся в 1890-е годы с рабочих кружков, и практическом, который приходится на период послереволюционной России — сентябрь 1917 года, когда на первой конференции культурно-просветительских организаций пролетариата, созванной по инициативе А. В. Луначарского и по решению конференции профсоюзов, возник всероссийский Пролеткульт. Если на первом этапе концепция пролетарской культуры развивалась теоретически и педагогически, через агитационно-пропагандистскую работу, то на втором этапе осуществлялся процесс ее практической реализации, когда Пролеткульт выступил в роли своего рода творческой лаборатории по созданию нового искусства, культуры, человека, так как до декабря 1920 года, когда Пролеткульт был организационно подчинен Народному комиссариату просвещения, он был свободным, надгосударственным образованием.

Важной вехой в истории Пролеткульта стала I Всероссийская конференция пролетарских культурно-просветительских организаций (сентябрь 1918 года, Москва), положившая начало его институциональному оформлению как литературно-художественной организации, имеющей свои издания. К 1919 году Пролеткульт, кроме московских «Пролетарской культуры», «Горна» и «Гудка» и петроградского «Грядущее», издавал журналы и в других городах России: «Грядущая культура» в Тамбове, «Зарево заводов» в Самаре, «Наш горн» и «Красное утро» в Орле, «Творчество труда» в Николаевске, «Труд и творчество» в Смоленске и др. Организация стремительно развивалась, и спустя два года, на момент созыва I Всероссийского съезда Пролеткульта (октябрь 1920, Москва), Пролеткульт «сгруппировал вокруг себя более полумиллиона рабочих, из которых более 80 тысяч активно работали в творческих студиях», в стране насчитывалось «более 300 Пролеткультов», а также было создано «международное бюро Пролеткульта, в которое вошли представители Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Бельгии, Норвегии, Швейцарии, России и Америки» [Игнатов, 1920, с. 74].

На страницах «Правды» в декабре 1920 года было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», положившее начало публичной критике деятельности этой организации, что привело к ее упадку в начале 1920-х годов. В связи с этим в «Малой советской энциклопедии» было

сказано, что Пролеткульт как «организация, пытавшаяся противопоставить себя партии», прекратил свое существование в 1922 году [КСЭ, 1939, столб. 710]. Эта точка зрения, провозглашенная в 1939 году, долгое время была неопровергимой.

Однако она неверна, так как, невзирая на сокращение масштабов студийной работы, о чем свидетельствует, например, тот факт, что из 128 студий Пролеткульта, существовавших в 1920 году, в 1921 году сохранилась 21, «идея новой культуры (литературы, искусства) отнюдь не умерла» [Карпов, 2003, с. 103]. Каковы причины ее живучести?

Полагаем, дело не в хронологии, несмотря на то, что фактически Пролеткульт был упразднен постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 года, когда «творческая деятельность писательских кружков почти сошла на нет», и «1926—1932 годы стали временем перехода от пролеткультовского коммунистализма … к созданию … корпорации, подменившей созидательные возможности идеологией» [Московская и др., 2021, с. 196, 189].

Причины живучести идей Пролеткульта, естественно, не в том, что некоторые его идеологи впоследствии «причастились» к руководящим должностям: так, в 1936 году П. Керженцев был назначен руководителем Комитета по делам искусства [Заславская, 2017, с. 46]. Последнее обстоятельство затмевается тем, что большинство ведущих поэтов-пролеткультовцев были репрессированы в 1930—1940-х годах, среди них А. Гастев, В. Кириллов, М. Герасимов и др.

Итак, значение Пролеткульта, равно как и причины жизнеспособности его идей, находятся во внеэстетической плоскости и связаны с его социокультурной деятельностью — в частности, с организацией культурно-просветительской работы среди населения в форме кружковой, студийной, клубной работы, основанной на творческой самодеятельности народных масс. Благодаря этой работе Пролеткульт не только обеспечивалась «самореализация рабочей интеллигенции путем творческой деятельности» [Карпов, 2003, с. 102], но и развивался, накапливаясь творческий потенциал советских граждан, в том числе благодаря которому стал возможен прорыв в развитии СССР — превращение патриархальной России в индустриальную державу. Иными словами, организация и управление творческой самодеятельностью масс, осуществляемые Пролеткультом, предвосхитили тренинги по развитию креативности, популярные не только в США 1950-х годах, но и в российской современности.

3.3. Креативный логоцентризм как творческий метод Пролеткульта

К 1919 году Пролеткульт был системно организован не только формально — функционировали фабрично-заводской, районный, городской и

губернский Пролеткульты, но и содержательно — с точки зрения сбалансированной клубной работы кружков («студий», «отделов»). Например, московский Пролеткульт включал литературный, театральный, музыкальный отделы, а также отдел изобразительных искусств. Наиболее пристальное внимание уделялось литературному отделу, состоявшему из «двух подотделов» — «общеобразовательного» и «специального». И если работа первого заключалась в «ознакомлении рабочего класса с литературным наследием прошлых эпох», то на занятиях второго пролетариату должны были помочь не только «ознакомиться с техникой литературного творчества, но и овладеть ею» [Кривцов, 1918, с. 32]. В условиях кровопролитной гражданской войны потрясает интенсивность процессов приобщения пролетариев к «наследию прошлого»: выдающимися деятелями «старой» культуры в Пролеткульте читались «курсы по истории русской литературы от древности до наших дней, по истории театра и истории культуры» [Кривцов, 1918, с. 32]. Однако поражает утилитарно-ремесленническое отношение к творчеству как к технике, которой можно и нужно овладеть: изучающий «должен усвоить метод, будь то ... сварка металла или создание сонета» [Кривцов, 1918, с. 24]. Творческий процесс, таким образом, рационализировался, отождествлялся не только с наукой, но и с рабочей профессией.

С целью совершенствования технических навыков на занятиях литературных студий проводились разборы текстов пролетарских поэтов. Графоманству творцов новой культуры противостояли редакции литературно-художественных журналов Пролеткульта. В связи с этим показательны комментарии редколлегии «Грядущего», адресованные авторам, присылающим свои сочинения: «Тов. В. Зеленскому (Москва). Страйтесь избегать художественных прозаических выражений вроде “к счастью яркому народа всей душой стремлюсь” ... Тов. А. Богданову (г. Вытегра). Для нашего пролетарского журнала не подойдет. Отвлеченной символике предпочитаем художественный реализм...» [Ответы, 1918, с. 9].

В соответствии с принципами колLECTивности, рациональности и научной организации труда в Пролеткультах индивидуальному творчеству предпочитали кружковую работу. При этом в пример ставились «средневековые школы, где всех студентов выучивали писать латинские стихи», и современные поэты («возьмите Брюсова»), которые «в поте лица работают сообща над каждым словом своего стиха и преподают ... доступную для многих науку стиха» [Кривцов, 1918, с. 24]. Для оптимизации творческой работы авторов предлагалось использовать « опыты коллективного писательства», когда «литературная работа» разделялась на ряд операций, выполняемых студийцами в соответствии с их предпочтениями: один

«выбирал темы», другой «отыскивал сюжет»; третий его разрабатывал, «набрасывая в соседней комнате стихи, рассказ, сцену», которые «будут вынесены снова на обсуждение студии, разобраны, исправлены и … закончены кем-нибудь другим» [Керженцев, 1918, с. 25—26]. По сути, в этом алгоритме организации творчества, описанном В. Керженцевым в 1918 году, представлен «мозговой штурм» как одна из технологий развития креативности, которая будет разработана американцем А. Осборном только в конце 1930-х годов.

Фаворитизм литературы в творческих студиях «пролеткультовцев» может быть объяснен двумя причинами.

Первая причина обусловлена спецификой литературы как вида искусства, в котором материалом строения художественного образа выступает слово, что роднит словесное творчество с наукой, выступавшей в годы революции в ипостаси неорелигии. К тому же литературное творчество менее затратно как в плане расходных материалов (чтобы быть литератором, не нужны ни краски, ни холст, ни музыкальные инструменты), так и с точки зрения одаренности (слова используют все, и оттого писательство представляется доступным видом творчества, тогда как рисовать и играть на инструментах без определенных навыков никто не сможет). Именно таков ход рассуждений идеолога В. Полянского, объясняющего, «почему среди пролетариата художников, музыкантов и артистов меньше, чем писателей». «Свои настроения в словесных образах передать значительно легче, чем в линиях, красках, звуках, — утверждает он. — Печатать пролетарскую поэзию гораздо легче, чем пролетарские картины и музыкальные произведения. В поэзии больше пролетарского содержания, чем в других видах искусства» [Полянский, 1920, с. 45].

Следовательно, вторая причина того, что деятельность Пролеткульта можно представить прежде всего как писательский проект, связана с содержанием пролетарской литературы, которая представлялась идеологам Пролеткульта движущей силой «революции духовной», «главным фундаментом в деле организации пролетарской культуры» и «могущественной силой, не менее могущественной, чем когда-то была религия» [Кай, 1920, с. 11].

Поэтому некорректно сводить писательский проект Пролеткульта к «“облегченному”, приспособленному для трансляции в массы варианту идеологии» [Левченко, 2001, с. 8]. Например, в «Поэзии рабочего удара» А. Гастева велика роль суггестивности образов, так как автор использует «жанрово-стилевые структуры заклинаний», вследствие чего «слово наделяется креативной мощью, произведение утрачивает условность» [Павлова, 2001, с. 389], становится неомифом. Писатели Пролеткульта своим творчеством не пропагандировали идеологию, а создавали культ

пролетариата — коллективного мессии, порожденного индустриализацией и творящего новый мир, отливая новую мифологию преимущественно в стихотворную форму, в которой доминировали маршевые ритмы и поэтика заклинаний. Таковы «Железный мессия», «Мы», «Зори грядущего», «Пролетариату» В. Кириллова, «Стихи о железе», «Вешние зовы», «Завод весенний» М. Герасимова, «Из песен рабочего» Я. Бердникова, «Пролетариат» А. Поморского и др. Итак, словесное творчество «пролеткультовцев», будучи формой выражения пролетарской культуры, содержательно являлось мифотворчеством, создающим культ коллективного мессии.

4. Заключение = Conclusions

Деятельность Пролеткульта, расцвет которой приходится на 1918 — начало 1920-х годов, несмотря на ее идеологическую тенденциозность, явилась закономерным продолжением социокультурного мифотворчества «русского Ренессанса», представлявшего собой модернистскую утопию, основанную на реконструкции романтического типа творчества с его верой в преобразующую мир силу искусства, в контексте которой литература представляла в ипостаси неорелигии. Такое отношение к искусству слова сформировалось в Российской Империи, в которой литература была не только ведущей формой общественного самосознания, но и способом правдоискательства. Кроме идеологической несвободы, этому способствовало особое отношение русского человека к слову: не логико-рациональное, как на Западе, а «иррациональное, как к божественному логосу» [Павлова, 2004, с. 207], обусловливая идеалократию и утопичность отечественной культуры, в которой даже атеистическая идеология марксизма обрела характер светского предания, была осмыслена как неорелигия, что и отразил писательский проект Пролеткульта.

Наличествовавшее в литературных студиях Пролеткульта отношение к творчеству как к ремеслу, которым может владеть каждый, было обусловлено как реалиями пореволюционной России, где пролетариат выступал главным героем истории, творцом нового мира, так и спецификой утического мифомышления, основанного на абсолютизации человеческой креативности, выступающей в роли высшей ценности и инструмента конструирования социального мира. Пролеткультурское отношение к творчеству как к ремеслу, которым можно «технично» овладеть, предвосхитило как тренинги по развитию креативности, набравшие популярность в США 1950-х годов в условиях противостояния с СССР как космической державой, так и современное понимание креативности, ставшее неотъемлемой характеристикой развивающегося информационного общества. В то же время пришедшийся на первые годы советской республики расцвет эсте-

тической, прежде всего писательской, деятельности пролетариата, который осознавал себя как творца нового мира, способствовал приумножению креативного потенциала развивающейся рабочей интеллигенции, что внесло вклад в цивилизационный прорыв в развитии нашего Отечества.

<p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.</p> <p>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.</p> <p>The authors declare no conflicts of interests.</p>
--	--

Источники и принятые сокращения

1. Игнатов А. Всероссийский съезд Пролеткульт / А. Игнатов // Пролетарская культура. — 1920. — № 17—19. — С. 74—85.
2. Кай. Об условиях творчества пролетарских писателей / Кай // Грядущее. — 1918. — № 3. — С. 11—12.
3. Керженцев В. Организация литературного творчества / В. Керженцев // Пролетарская культура. — 1918. — № 5. — С. 23—26.
4. Кравцов С. Кружковая работа / С. Кравцов // Пролетарская культура. — 1918. — № 3. — С. 21—25.
5. МСЭ — Малая советская энциклопедия : в 11 тт. — Москва : ОГИЗ РСФСР, 1939. — Т. 8. — 985 столб.
6. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный закон от 08.08.2024 N 330-ФЗ. — Режим доступа : <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08082024-n-330-fz-o-razvitiu-kreativnykh/> (дата обращения 21.08.2025).
7. Ответы — Ответы иногородним авторам // Грядущее. — 1918. — № 5. — С. 9.
8. Полянский В. Самостоятельность или в путах буржуазной культуры / В. Полянский // Пролетарская культура. — 1920. — № 15—16 — С. 43—46.
9. Протоколы ВКП(б) — Протоколы I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций, 15—20 сентября 1918 г. — Москва : Вторая гос. типография, 1918. — 148 с.
10. MWD — Merriam-Webster's Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/create#word-history> (accessed 15.07.2025).

Литература

1. Алексеева Г. Д. Л. А. Пинегина. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917—1932 / Г. Д. Алексеева, А. В. Манькин // История СССР. — 1986. — № 2. — С. 169—171.
2. Дегтярёв А. К. Культурное строительство в советской России 1920-х годов : опыт осмыслиения в современном российском культурном пространстве / А. К. Дегтярев // Наука. Искусство. Культура. — 2021. — Выпуск 2 (30). — С. 18—30.
3. Заславская О. В. Пролетарский театр и Коминтерн : транснациональный контекст создания Международных объединений рабочих театров (1926—1932) / О. В. Заславская // Шаги / Steps. — 2017. — № 3. — С. 45—67. — DOI: 10.22394/2412-9410-2017-3-3-45-67.

4. Иванцов Д. С. Феномен пролеткульта в культурно-историческом аспекте : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Д. С. Иванцов. — Киров, 2006. — 18 с.
5. Калистратов Ю. К. Рабочий класс и советская культура в 20—30-е годы : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Ю. К. Калистратов. — Нижний Новгород, 1998. — 426 с.
6. Карпов А. В. Литературная эстетика пролеткульта в контексте русской революционной культуры / А. В. Карпов // Вестник Омского университета. — 2003. — № 3. — С. 101—104.
7. Колычев П. М. Социально-философское осмысление политических истоков пролетарской культуры / П. М. Колычев, А. А. Хахалова // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия : Философия. — 2018. — Т. 22. — № 2. — С. 206—216. — DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-206-216.
8. Костякова Ю. Б. Самодеятельная поэзия и пресса в годы Гражданской войны (на примере газеты «Красноярский рабочий» за 1920 г.) / Ю. Б. Костякова, В. С. Титова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7. — № 1. — С. 42—58. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).42-58.
9. Левченко М. А. Поэзия пролеткульта: идеология и риторика революционной эпохи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. А. Левченко. — Санкт-Петербург, 2001. — 18 с.
10. Максименко Е. П. Концепция «пролетарской культуры» в идеинно-политическом наследии А. А. Богданова : диссертация ... кандидата исторических наук : 23.00.03 / Е. П. Максименко. — Москва, 1996. — 209 с.
11. Мацкевич-Духан И. А. Креативное общество : от концепции к теории / И. А. Мацкевич-Духан. — Минск : Белорусская наука, 2021. — 294 с. — ISBN 978-985-08-2764-7.
12. Морозов С. А. Ретрансляция культурного кода в креативных индустриях : аксиологический аспект / С. А. Морозов, О. А. Павлова, П. В. Прохода // Культурная жизнь Юга России. — 2023. — № 3. — С. 33—47. — DOI: 10.24412/2070-075X-2023-4-33-47.
13. Московская Д. С. Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920—1932 гг. (по документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) / Д. С. Московская // Вестник славянских культур. — 2021. — Т. 61. — С. 189—198. — DOI: 10.37816/2073-9567-2021-61-189-198.
14. Николаева Л. С. Теория и практика «Пролеткульта». 1917—1932 : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. С. Николаева. — Москва, 1997. — 29 с.
15. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Т. Э. О'Коннор. — Москва : Прогресс, 1992. — 222 с. — ISBN 5-1-2919-7.
16. Павлова О. А. Метаморфозы литературной утопии : теоретический аспект / О. А. Павлова. — Волгоград : Волгоградское научн. изд-во, 2004. — 471 с. — ISBN 5-98461-016-7.
17. Павлова О. А. Ренессанс и декаданс как эпохи становления современного понимания креативности / О. А. Павлова // Сфера культуры. — 2024. — № 3 (17). — С. 27—23. — DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_27.
18. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900—1920-х гг. В контексте отечественной культуры / О. А. Павлова. — Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2005. — 695 с. — ISBN 5-98461-189-9.

19. Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура, 1917—1932 / Л. А. Пинегина. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 240 с.
20. Рябов А. В. Борьба за эстетическую монополию в первые годы советской власти / А. В. Рябов // Теория и история культуры. — 2024. — № 3. — С. 13—20. — DOI: 10.25257/KB.2024.3.13-20.
21. Суворова А. А. Советское наивное искусство : между конформностью и нонконформизмом / А. А. Суворова // Новое искусствознание. — 2021. — № 3. — С. 82—90. — DOI: 10.24412/2658-3437-2021-3-82-90.
22. Суровцев Ю. Пролеткульп и пролеткультовщина / Ю. Суровцев // Вопросы литературы. — 1975. — № 4. — С. 256—262.
23. Хомякова Ю. О. «В минутах оригийного ликования» : пролеткульт как забытое звено между символизмом и социалистическим реализмом / Ю. О. Хомякова // Международный журнал исследований культуры. — 2018. — № 2 (31). — С. 115—125.
24. Хрусталёва А. В. Саратовское товарищество пролетарских писателей как провинциальный эпизод в истории Всероссийского объединения пролетарских писателей / А. В. Хрусталёва // Славянские литературы. — 2024. — Т. 146—148. — С. 121—145. — DOI: 10.1016/j.slalit.2024.05.002.
25. Чони П. Воспоминания о Каприйской школе / П. Чони, М. А. Ариас-Вихиль // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. — 2019. — № 1 (19). — С. 1—7. — DOI: 10.34680/m7tz-0s85.
26. Юдин М. В. Творца нового : из опыта работы московского Пролеткульта / М. В. Юдин // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 66. — С. 88—98. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-88-98.
27. Юдин М. В. Теория пролетарской культуры : истоки и эволюция / М. В. Юдин // Вестник славянских культур. — 2020. — Т. 58. — С. 84—100. — DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-84-100.
28. Юдин М. В. Деятельность Московского Пролеткульта в 1918—1925 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. В. Юдин. — Москва, 2001. — 29 с.
29. Fitzpatrick Sh. The Cultural front : Power and Culture in Revolutionary Russia / Sh. Fitzpatrick. — Itacha and London : Cornell University Press, 1992. — 264 p. — ISBN 9780801495168.
30. Guilford J. P. Creativity / J. P. Guilford // American Psychologist. — 1950. — Vol. 5. — № 9. — Pp. 444—454.
31. Mally L. Culture of the Future : The Proletkult Movement in Revolutionary Russia / L. Mally. — Oakland : University of California Press, 1990. — 306 p. — ISBN 978-0520065772.
32. Read C. Culture and Power in Revolutionary Russia / C. Read. — London : Macmillan, 1990. — XII, 266 p. — ISBN 0-333-49792-9.
33. Williams T. S. Creative Utopia : 12 ways to realize total creativity / T. S. Williams. — Massachusetts : Adams Media, 2002. — 192 p. — ISBN-13: 978-1581801736.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025,
одобрена после рецензирования 29.11.2025,
подготовлена к публикации 21.12.2025.

Material resources

- Answers — Answers to nonresident authors. (1918). *The future*, 5: P. 9. (In Russ.).
- Ignatov, A. (1920). All-Russian Congress of Proletkult. *Proletarian culture*, 17—19: 74—85. (In Russ.).
- ITU — *Small Soviet Encyclopedia: in 11 volumes*, 8. (1939). Moscow: OGIZ RSFSR. 985 columns. (In Russ.).
- Kai. (1918). On the conditions of creativity of proletarian writers. *The Future*, 3: 11—12. (In Russ.).
- Kerzhentsev, V. (1918). Organization of literary creativity. *Proletarian culture*, 5: 23—26. (In Russ.).
- Kravtsov, S. (1918). Circle work. *Proletarian culture*, 3: 21—25. (In Russ.).
- MWD — *Merriam-Webster's Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/create#word-history> (accessed 15.07.2025).
- On the development of *creative industries in the Russian Federation*. Federal Law № 330-FZ of 08.08.2024. Available at: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08082024-n-330-fz-o-razvitiu-kreativnykh/> (accessed 21.08.2025). (In Russ.).
- Polyansky, V. (1920). Independence or in the bonds of bourgeois culture. *Proletarian culture*, 15—16: 43—46. (In Russ.).
- Protocols of the VKPKPO — *Protocols of the I All-Russian Conference of Proletarian Cultural and Educational organizations, September 15—20, 1918*. (1918). Moscow: The Second State Printing House. 148 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva, G. D., Mankin, A. V. (1986). L. A. Pinegina. The Soviet working class and art culture. 1917—1932. *History of the USSR*, 2: 169—171. (In Russ.).
- Choni, P., Arias-Vihil, M. A. (2019). Memories of the Caprian school. *Scientific notes of the Novgorod State University named after Ya. Wise*, 1 (19): 1—7. DOI: 10.34680/m7tz-0s85. (In Russ.).
- Degtyarev, A. K. (2021). Cultural construction in Soviet Russia in the 1920s: the experience of comprehension in modern Russian cultural space. *Science. Art. Culture*, 2 (30): 18—30. (In Russ.).
- Fitzpatrick, Sh. (1992). *The Cultural front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Itacha and London: Cornell University Press. 264 p. ISBN 9780801495168.
- Guilford, J. P. (1950). Creativity. *American Psychologist*, 5 (9): 444—454.
- Ivantsov, D. S. (2006). *The phenomenon of proletcult in the cultural and historical aspect*. Author's abstract of PhD Diss. Kirov. 18 p. (In Russ.).
- Kalistratov, Yu. K. (1998). *The working class and Soviet culture in the 20—30s*. Doct. Diss. Nizhny Novgorod. 426 p. (In Russ.).
- Karpov, A. V. (2003). Literary aesthetics of proletkult in the context of Russian revolutionary culture. *Bulletin of Omsk University*, 3: 101—104. (In Russ.).
- Khomyakova, Yu. O. (2018). “In moments of origi joy”: proletkult as a forgotten link between symbolism and socialist realism. *International Journal of Cultural Studies*, 2 (31): 115—125. (In Russ.).
- Khrustaleva, A. V. (2024). Saratov Association of Proletarian writers as a provincial episode in the history of the All-Russian Association of Proletarian Writers. *Slavic Literatures*, 146—148: 121—145. DOI: 10.1016/j.slalit.2024.05.002. (In Russ.).
- Kolychev, P. M., Khakhalova, A. A. (2018). Socio-philosophical understanding of the political origins of proletarian culture. *Bulletin of the People's Friendship University of Rus-*

- sia. Series: *Philosophy*, 22 (2): 206—216. DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-206-216. (In Russ.).
- Kostyakova, Yu. B., Titova, V. S. (2018). Amateur poetry and the press during the Civil War (on the example of the newspaper “Krasnoyarsk Worker” for 1920). *Questions of the theory and practice of journalism*, 7 (1): 42—58. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).42-58. (In Russ.).
- Levchenko, M. A. (2001). *Poetry of the proletariat: ideology and rhetoric of the revolutionary era*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 18 p. (In Russ.).
- Maksimenko, E. P. (1996). *The concept of “proletarian culture” in the ideological and political legacy of A. A. Bogdanov*. PhD Diss. Moscow. 209 p. (In Russ.).
- Mally, L. (1990). *Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Oakland: University of California Press. 306 p. ISBN 978-0520065772.
- Matskevich-Dukhan, I. A. (2021). *Creative society: from concept to theory*. Minsk: Belorusskaya Nauka Publ. 294 p. ISBN 978-985-08-2764-7. (In Russ.).
- Morozov, S. A., Pavlova, O. A., Prokhoda, P. V. (2023). Retransmission of the cultural code in creative industries: an axiological aspect. *Cultural life of the South of Russia*, 3: 33—47. DOI: 10.24412/2070-075X-2023-4-33-47. (In Russ.).
- Moskovskaya, D. S. (2021). Literary circles as a tool for building proletarian culture. 1920—1932 (according to the documents of the IMLI RAS Department of Manuscripts). *Bulletin of Slavic Cultures*, 61: 189—198. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-61-189-198. (In Russ.).
- Nikolaeva, L. S. (1997). *Theory and practice of “Proletkult”. 1917—1932*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 29 p. (In Russ.).
- O’Connor, T. E. (1992). *Anatoly Lunacharsky and Soviet cultural policy*. Moscow: Progress. 222 p. ISBN 5-1-2919-7. (In Russ.).
- Pavlova, O. A. (2004). *Metamorphoses of literary utopia: a theoretical aspect*. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. 471 p. ISBN 5-98461-016-7. (In Russ.).
- Pavlova, O. A. (2005). *Russian literary utopia of the 1900s—1920s. In the context of Russian culture*. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. 695 p. ISBN 5-98461-189-9. (In Russ.).
- Pavlova, O. A. (2024). Renaissance and decadence as the epochs of the formation of the modern understanding of creativity. *Sphere of culture*, 3 (17): 27—23. DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_27. (In Russ.).
- Pinegina, L. A. (1984). *The Soviet working Class and artistic culture, 1917—1932*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 240 p. (In Russ.).
- Read, C. (1990). *Culture and Power in Revolutionary Russia*. London: Macmillan. XII, 266 p. ISBN 0-333-49792-9.
- Ryabov, A. V. (2024). The struggle for aesthetic monopoly in the early years of Soviet power. *Theory and history of culture*, 3: 13—20. DOI: 10.25257/KB.2024.3.13-20. (In Russ.).
- Surovtsev, Yu. (1975). Proletkult and prolektkul’tovism. *Questions of literature*, 4: 256—262. (In Russ.).
- Suvorova, A. A. (2021). Soviet naive art: between conformity and nonconformism. *New Art studies*, 3: 82—90. DOI: 10.24412/2658-3437-2021-3-82-90. (In Russ.).
- Williams, T. S. (2002). *Creative Utopia: 12 ways to realize total creativity*. Massachusetts: Adams Media. 192 p. ISBN-13: 978-1581801736.
- Yudin, M. V. (2001). *Activity of the Moscow Proletkult in 1918—1925*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 29 p. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Yudin, M. V. (2020). Theory of proletarian culture: origins and evolution. *Bulletin of Slavic Cultures*, 58: 84—100. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-84-100. (In Russ.).

Yudin, M. V. (2022). The creator of the new: from the experience of the Moscow Proletkult. *Bulletin of Slavic Cultures*, 66: 88—98. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-88-98. (In Russ.).

Zaslavskaya, O. V. (2017). Proletarian Theater and the Comintern: the transnational context of the creation of International associations of worker's theaters (1926—1932). *Steps*, 3: 45—67. DOI: 10.22394/2412-9410-2017-3-3-45-67. (In Russ.).

*The article was submitted 20.07.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 21.12.2025.*